* * *

В какой гармонии глаза твои с листвой!
Как зеленеет их таинственная дымка!
В который раз мир станет невидимкой,
Когда стоишь с улыбкой предо мной.
Ты создана для блеска и раздолий, –
О, руки – аромат цветущей ветки! –
И, чтобы целовать тебя в беседке
Меж изваяний Грёз и Меланхолий.

* * *

О, как на свете странно и тревожно!
Но я скажу без хвастовства и лжи:
Весь мой размах вместить мне невозможно
В мою одну единственную жизнь.
Давно смешна мне гордая бравада.
Я б ввысь хотел, как дерево, расти.
И круглый год срывать с ветвей мне надо
Сверкающий, как новость, спелый стих.
В таком саду плоды не видеть скоро,
Огни не скоро встретить на пути,
То ль я один решил построить город,
То ли колодец, вырыв, унести.
Но я-то стать хочу ведь не министром,
Другие звёзды манят ввысь меня,
Ведь искренность свой род ведёт от искры
Сверкающего, чистого огня.
Мы всё, что есть, всё, всё мы позабудем.
О, как на свете краток весь мой век!
Но я хочу сказать живущим людям
О том, что я, о том, что человек.
И, может, может, в дым ведет дорога,
Но верю в разгорающийся свет
И грозные глаза на небе Бога,
С улыбкою смотрящие мне вслед.

* * *

Степень жизни – степень риска.
Не нежна и не груба,
Долгим взглядом василиска
Смотрит смутная судьба.
Ты, с небес ударом грома,
Юность, разве всем дана?
О, какой же это омут –
Не видать вовеки дна!
Где-то там, над тополями,
Краем облака брести
Иль сжимать в угрюмой яме
Пепел прошлого в горсти?
Снова зелень льется, пенясь,
Даль бездонная видна,
Восстаёт лазурный феникс –
Юность, вечная весна,
Бог живой воображенья!
Слабо брезжит горний свет.
Это – мудрость пораженья,
Горечь гордая побед.

Томск

Песчинкой каждой стал судьбой
Трагический, как юность, город.
Вот снова встретился с тобой.
Мир умирает страшно скоро.
Мне вновь стал зримым бег минут,
Вновь дремлет Вечность на вокзале,
Зимой деревья здесь цветут,
Такое встречу ли? Едва ли…
Я узнаю, но вновь не знаю…
О, взгляд судьбы в листве аллей!
Бреду лунатиком по краю
Иль по вершинам тополей.
Я вновь свободен, словно скиф,
Летящий степью сквозь ненастье.
И снова юность – свет тоски,
Всегда кончающийся счастьем!

* * *

Как полон мир изменчивых мелодий!
Где падал снег – весенняя вода,
Созвездье древних солнц на небосводе
Рассыплется, растает без следа.
Забудется, как детская обида,
Миг славы ли, что мнится нам, высок,
Ровесницы веков ли – пирамиды –
Взглянуть со звёзд – всего простой песок.
И строящий дворец – могилу роет,
Под солнцем ли случается не так?
И космос бороздящий астероид
Седой в себе скрывает саркофаг.
Везде глядят глаза незримой боли:
В руинах храма выросла трава,
И ярко колосящееся поле
В дремоту дна хоронят острова.
Прославиться ль пером, резцом иль кистью
И мнить себя избранником небес?
Исчезнут без следа сухие листья,
Но вспомнит ли о листьях свежий лес?
Туманный мир клубится облаками,
Весь – стая перепуганная птиц.
В песок пустыни превратится камень,
И в ветер – грохот древних колесниц.
Но нам, живым, нам оправдаться нечем,
Себя и всех мы вечно предаём.
А если что и есть в нас человечье,
То первое оно горит огнём.

* * *

Кроны окутаны хмурым туманом,
Когда он пройдет
(а туман непременно проходит),
С яркою нежностью вспыхнут во мгле
долгожданные звёзды.
О, эти звёзды!
Счастливые окна Вселенной!
И дождёмся ли мы наконец,
Когда кто-то с улыбкою нам помахает
из распахнутого окна?